

VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

Преосвященный Афанасий (Евтич),
епископ б. Герцеговинский
(Сербский Патриархат)

ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА И ЖИЗНЬ. ДОГМА И ЭТИКА В ПРАВОСЛАВИИ

“Вообрази Христа Твоего в хотящем паки родитися, назидай его на основании апостол и пророк Твоих, насади его насаждение истины во Святей Твоей Соборней и Апостольстей Церкви” (Чин Крещения)

I

В сущности, что такое Христианство, как не Сам Господь Христос. А Христос, значит, и есть Логос и Сын Божий, Который воплотился и стал человеком. Само имя Христа (Мессии, Помазанника), как известно, восходит к факту воплощения Сына и Логоса Божия, к соединению в Его Личности Божества и человечества, Бога и человека. Так как во Христе однажды навсегда Бог соединился с человеком, и так как вследствие этого человек был помазан (*κεχρισμένος*) Богом, естество человеческое было помазано естеством Божественным, то Логос Божий, воплотившийся и ставший человеком, и называется „Христом“, т.е. одновременно Богом и человеком – Богочеловеком, *Θεάνθρωπος*.

Этот основной и центральный факт нашей христианской веры нужно уже в самом начале особо подчеркнуть, когда говорим о Православной вере и жизни или о Православной догме и нравственности. Необходимо это и потому, что сегодня многие, включая христиан, часто делают одну из двух очень старых ошибок: или считают Христа только Богом, забывая, что этот самый Бог стал одним из нас, т.е. человеком с человеческим телом/плотью и кровью; или же, наоборот, Христа считают только неким великим, мудрым и добрым человеком, забывая, что Христос одновременно есть и истинный Бог, ибо Он был и остался Богом и после своего вочеловечения. Это единство Христа Богочеловека, т.е. факт, что Христос одновременно есть и Бог и человек, всецелый, совершенный и истинный Бог и всецелый, совершенный и истинный человек, представляет уникальное событие/явление и истину нашей христианской веры и жизни. Без этой уникальной и последней истины Христианства, истины о Христе Богочеловеке, которая человеку предлагается и дается, чтобы он принял ее посредством веры, верой и жизнью, нет ни Христианства, ни христиан, ни христианской веры и нравственности, христианской догмы и жизни. Христианское свидетельство („маририа“) о Христе как личном (ипостасном, персональном) Боге и человеке является основным и самым важным свидетельством Святых Апостолов, Мучеников, Исповедников и всех Святых (ср. Деян.1,8,22; 4,33; 1Ин. 1,2; 4,14; Откр.1, 2; 6,9; 20,4). Оно в то же время является и свидетельством Церкви в мире, ее проповедью Евангелия, ее католической и вселенской верой. Поэтому Евангелие Церкви, которое Святые

Апостолы как свидетели и очевидцы записали и это свое свидетельство запечатали своей мученической кровью, представляет не что иное, как свидетельство о Сыне Божиим, Который стал плотью, то есть человеком, и Который ради нас был распят и воскрес из мертвых, и Который как Богочеловек пребывает с нами во все дни до скончания века (ср.Ин. 1,2–14; Мф.16,16; 28,16–20; 1Кор.1,23–24; 15,1–20; 1Ин.1,13). Это в то же время является и содержанием всех святых догматов, исповеданных и утвержденных на Вселенских Соборах Церкви (ср. особенно Символ Никейского и Халкидонского Соборов).

Однако, чтобы не впасть в другую пагубную ошибку, которая увела бы нас за пределы богооткровенной христианской истины, а тем самым и Христа, нужно подчеркнуть еще один момент в нашей вере в Богочеловека Христа. Известно, что наше христианское бытие, и жизнь, и нравственность начинаются с момента, когда крещаемся во Христа, в Его смерть и воскресение (ср.Гал. 3,27; Рим.6,3–6), ибо тогда крещаемся во Христа, Бога и человека, и облакаемся в Него, становясь учениками и причастниками Его богочеловеческой смерти и Его богочеловеческого воскресения, и тем самым становимся подобными (подобными) Ему и сращенными с Ним (*σύμφυτοι, σύμμορφοι*), по словам Св. Апостола Павла в молитвах Церкви, читаемых при святом крещении. Итак, в тот момент, когда человек крещается в Православной Церкви, священник мистериологически произносит над ним имя Святой и Животворящей Троицы: „Крещается раб Божий во Имя ОТЦА и СЫНА и СВЯТАГО ДУХА.“ Потом, сразу по крещении, новопросвещенный помазывается помазанием Духа Святого. Этот мистериологический акт Церкви означает, что Христос, в Которого крещаемся, нераздельно соединен с Пресвятой Троицей – с Отцом и Святым Духом. Поэтому и вера наша, и крещение во Христа, как Богочеловека суть одновременно и вера, и крещение в Саму Святую Троицу – единого и единственного Бога нашего. Ибо Христос есть „Один из Святой Троицы“, Который воплотился и стал человеком, оставаясь всегда и неизменно Вторым Лицом Пресвятой Троицы. Само же имя Христово – „Христос“, „Помазанник“ (*κεχρισμένος*), по словам Святых Отцов, уже являет и объявляет нам, людям, целую Святую Троицу: Его (Сына) как Помазанного, Отца, Который Его помазал, и Духа Святого, Которым Он был помазан Отцом. Вот как об этом говорит Святой Василий: „Наименование Христа представляет наше полное исповедание веры; ибо указывает на Бога (Отца), Который Его помазал, и на Сына, Который был помазан, и на Духа Святого, который есть помазание (*χρῖσμα*), как и научились мы у Апостола Петра в Деяниях Апостольских: Бог Духом Святым помазал Иисуса из Назарета“ (Деян.10,38. PG32,116). Следовательно, когда мы, православные, веруем во Христа как Богочеловека, мы одновременно веруем в Святую Троицу, эту последнюю тайну Христианства, которую и открыл нам Христос своим воплощением и вочеловечением.

Бог Авраама, Исаака и Иакова, не „Бог“ философов и „Божество“ религий, а единственный Живой и Истинный Бог – открылся и явился миру и человеку в Лице Иисуса Христа, через Его воплощение и вочеловечение. Воплощенный Логос Божий, исторический Богочеловек Иисус Христос и есть само Откровение Божие, личное, сыновнее, самотворящее явление и объявление живого библейского христианского Бога: „Бога не видел никто никогда, Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил“ (*ἐξήγήσατο* = открыл, объяснил - Ин.1,18). Это личное (автургичное, по словам Святых Отцов) явление и объявление Сына Божия в нашем мире, в нашей жизни и нашем человеческом существе/бытии и есть полнота – *πλήρωμα* – Откровения Божия, сердцевина Христианства, суть и бытие христианской Церкви. Без явления и воплощения Христа, Второго Лица Святой Троицы, мы не знали бы ничего о тайнах и таинствах Бытия Божия, о Боге как Святой Троице, как об этом говорит Святой Григорий Палама: „Если бы Логос Божий не воплотился, то Отец не явил бы Себя

воистину Отцом, ни Сын – воистину Сыном, ни Дух Святой, также происходящий от Отца, – Духом Святым; Бог не открылся бы в сущности и ипостасях, Он являлся бы только как некая сила («энергия») созерцаемая в тварях» (PG151,204). В силу всего этого целое христианское Откровение в своем существе христологично и христоцентрично, но этот правильный и по-православному понятый христоцентризм имеет одновременно триадологический (троичный) характер, он триадоцентричен, так как Христос непредставим и немыслим без Святой Троицы и неотделим от Нее. Без этого триадологического контекста нет правильной, православной Христологии, соответственно нет ни православной веры и догмы, ни жизни и нравственности православной.

Здесь, в этом весьма важном богословском пункте православной веры, необходимо еще одно дополнение и разъяснение. Многие современные христиане, веруя во Христа, веруют в Него не в Церкви Его и с Церковью Его. Или, точнее, не веруют во Христа как Церковь, а сознательно или бессознательно отделяют Его от Церкви Его, которая является Его личным и соборным Телом, согласно Евангельской проповеди Апостола Павла (особенно в посл. к Рим., 1Кор., Еф. и Кол.). В православной же вере и благодатном, живом и непосредственном опыте Церкви Христос воспринимается и в Него веруют только и всегда с Его Церковью, которая есть Его богочеловеческое Тело. Ибо Христос своим воплощением взял на Себя тело/плоть и Он Сам стал телом, т.е. Церковью (Ин.1,14; 2 21; Тим.3,16; Евр.2, 4–16; 1Кор.10,16–17; 12,12; Еф.1,23; 5,23–32; Кол.2,18). Вот как об этом говорит Святой Иоанн Златоуст: „Христос взял на Себя тело/плоть Церкви, и Церковь сделал телом Своим“ (PG52,429). Следовательно, Христос неотделим от Церкви, которая есть тело Его, а также Церковь неотделима от Христа, Который есть ее Глава, и начаток (*ἀπαρχή*,) ее, и жизнь ее, и нравственность ее. Таким образом, православное понимание Церкви, православная Эклесиология, полностью и всецело содержится в Христологии, так как то, что относится к Церкви, относится и к Христу, и то, что относится ко Христу, относится одновременно и к Церкви Его. Поэтому в момент нашего крещения мы соединяемся с Христом во имя Святой Троицы, но вместе с тем мы присоединяемся к Телу Христову, „насаждаемся“ в Соборной и Апостольской Церкви, как говорится в молитве Таинства Крещения: „Насади его (новокрещенного) как насаждение истины во Святой Твоей Кафолической/Соборной и Апостольской Церкви“.

Стало быть, если отделяем Христа от Церкви, или Церковь от Христа, то делаем непоправимую ошибку, т. е. впадаем в одну из самых больших ересей: развоплощаем Христа, воплощенного Сына и Логоса Божия, и прогоняем Его из Тела/Плоти Его. А это значит, что прогоняем Его из человека и мира. А если развоплощаем и разчеловечиваем Христа Богочеловека, можем ли мы тогда быть христианами и говорить о „Христианстве“?

Из всего сказанного становится понятным, что центральная тайна Православия есть Христос – Богочеловек, истинный и совершенный Бог, нераздельно соединенный со Святой Троицей и истинный и совершенный человек, нераздельно соединенный с человечеством, со всеми людьми, составляющими Его тело – Церковь. Эта истина и богочеловеческий факт представляют всю догму (и догматику) православной евангельской веры нашей, и нашу христианскую евангельскую жизнь и нравственность (православную этику), как это передали нам Апостолы и Отцы Церкви. Христос как Богочеловек для Православия действительно есть и *modus credendi*, и *modus vivendi*, и *modus cognoscendi*, и *modus faciendi*, – Христос, нераздельно соединенный со Святой Троицей и с человечеством, с Церковью Своею. Такое целостное, интегральное или кафолическое понимание и переживание христианского Откровения и христианской веры, настолько присущее Православию, встречается у Святых Апостолов, и Святых Отцов, и в богослужении,

особенно в Литургии Православной Церкви. Вся структура апостольских библейских текстов и святоотеческих богословских творений, а также богослужебных текстов Церкви в своей основе содержит эту всецелую „Тайну Христову“, как это явствует из одного из текстов Апостола Павла. Краткости ради приведем только этот текст, который является ясным подтверждением вышесказанного: в нем показана теснейшая взаимосвязь и единство православной Христологии, Триадологии, Экклезиологии, Антропологии, и Сотериологии, т. е. кафоличность (всецелостность, интегральность) и взаимосвязь и взаимопроникновение православной веры, догмы, жизни и нравственности. Речь идет о молитве Апостола Павла в третьей главе Послания к Ефессянам:

„Для сего преклоняю колена мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле, да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верую вселиться Христу в сердца ваши, чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею. А Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем, Тому слава в Церкви во Христе Иисусе во все роды, от века до века. Аминь“ (Еф.3,14–21).

Как видно, в этой короткой, но всесодержательной молитве заключаются: и истина (догмат) о Святой Троице – Отце, Христе и Духе; и истина о Христе, который стал человеком, чтобы нас в Церкви Своей исполнить всякой полнотой Божией; и истина о Церкви как общении во Христе всех святых; и истина о человеке, т. е. о нас, людях, в которых Христос вселяется Духом Святым; и истина о нашей жизни верой и в вере через укорененность в любви, любви, которая является любовью Христовой и даром силы Духа Святого внутри нас, что и есть христианская нравственность, и т. п. Все эти основные элементы нашей веры (т.е. основные догматы) и главные этические факты нашей жизни (т.е. нравственности) содержатся и в творениях православных Отцов, и в богослужебно-духовной жизни, как мы увидим позже.

II

Христологический догмат Церкви, как и Троичный догмат, а также экклезиологический, и антропологический, и все остальные святые догматы нашей веры для нас, православных, не представляют философские категории или принципы и идеи некой величественной философской системы, называлась она христианской, или идеалистической, или экзистенциалистической, или какой угодно. (Так догматы Церкви хотели употребить, например, В. Соловьев, Н. Бердяев и другие христианские философы, особенно на Западе). В Православии святые догматы даны и осмыслены в иной перспективе: они, прежде всего, являются церковным способом исповедания „веры, однажды преданной Святым“, по словам Святого Апостола (Иуд.3). Они суть то самое библейское спасительное „юродство“ Божие, которое погубило „мудрость мудрецов“ мира сего, чтобы спасти человека (1Кор.1,18–31). Ибо спасение человека и мира и есть крайняя цель Откровения Божия, содержащегося и богоприличным образом выраженного в вере и догматике Православной Церкви. Православные догматы, выраженные в творениях Святых Отцов и постановлениях/деяниях Вселенских Соборов, представляют продолжение и разъяснение проповеди Святых Апостолов, так как, по словам одного церковного песнопения, „проповедь Апостолов и догматы Отцов утверждают единую веру Церкви“, которой мы живем, спасаемся и обожаемся.

Ввиду этого сотериологического характера православных догматов главной заботой Православной Церкви всегда и во все времена оставалось старание о правильном управлении („ортономия“) словом Истины Божией, т. е. о правильном учении и исповедании веры, которая одновременно является и „словом Истины“ (2Тим.2,15), и „словом жизни“ (Флп.2,16), и „словом спасения“ (Деян.13,26). Поэтому Православная Церковь, „мечом Духа“ (Еф.6,17) управляющая и руководящая нашим спасением, никогда не была, и не может быть, безразлична к Истине, к правильности, т. е. православноности веры, которая, по словам Святого Максима Исповедника, есть „первое врачевство к нашему спасению“ (PG91,465). В противном случае она была бы безразлична к нашему спасению и таким образом перестала бы быть Церковью, изменив себе, своему содержанию, своей миссии, своей сути.

Если „без веры угодить Богу невозможно“ (Евр.11,6), то это без сомнения значит без правой веры, без право-славия („орто-доксии“), без правого и правильного верования, и прославления и славословления Бога. „Несомненно, что нужна вера“, говорит Св. Кирилл Александрийский, „и прежде всего правая вера“ (PG72,776). В своей первосвященнической молитве перед страданием Господь молился не только о том, „да будут все едино“ (хотя и это значит: „да будут все едино, как мы, т. е. Святая Троица, едино“ - Ин.17,21–22), но Он молился и об освящении верных в Истине, в истинной вере: „Отче... освяти их истиною Твоею: слово Твое есть истина“ (Ин. 17,17). Согласно толкованию Святого Иоанна Златоуста это значит: „Сделай их святыми даром Духа Святого и правильными догматами... ибо правильные догматы о Боге освящают душу“ (PG59,443).

В таком отношении к вере православное церковное Предание верно следует Апостолу Павлу, который в своей проповеди настаивает на том, что вера, правильная и живая вера, „вера Истины“ (2Фес.2,13) является началом и принципом нашего христианского бытия: „Ибо мы сделали причастниками Христу, если только начало нашего бытия (*ἀρχὴ τῆς ὑποστάσεως*) твердо сохраним до конца“ (Евр.314). Толкуя это место у Апостола Павла, Св. Златоуст говорит: „Что такое начало бытия (*ἀρχὴ τῆς ὑποστάσεως*)? – Это вера, которой мы явились (как христиане) и родились, и, так сказать, существенным образом соединились с Христом“ (PG 63, 56). Итак, вера есть начало и основание нашего христианского бытия, которой мы явились (выражение Златоуста *ὑπεστάμεν* значит именно то, что мы получили нашу настоящую ипостась, наше бытие, *τὸ κατὰ Χριστὸν ὑποστήναι*, по словам Кавасилы), и которой мы рождены, и „сосуществлены“ Христу. Точно так же вышеприведенные апостольские слова толкует и Феодорит Киррский: „Апостол веру назвал «началом бытия», потому что мы ею возобновлены и соединены с Господом Христом и ею мы получили благодать Пресвятого Духа“ (PG 82, 701). Из этих апостольских и святоотеческих слов ясно видим, что вера, или догма, в православном живом опыте содержит в себе реальность и силу возрождения и соединения с Христом, т. е. рождения в новую и благодатную жизнь, и *ῤῥῶσις*/причащение во Христе и Духе Святом. Это, собственно, и есть истинная жизнь и нравственность Православия: возрождение и возобновление бытия и экзистенции нашей в спасительном соединении и общении с Христом через Духа Святого.

Итак, православная нравственная жизнь (православный „итос“ и „этос“), которая состоит в общении нашего человеческого лика и существа с Богом – с Богом Отцом во Христе силою Духа Святого – и в освящении, возрождении и преображении всецелого человека на его пути полного очеловечения и обожения, такая жизнь начинает существовать и развивается только тогда, когда основывается на правой вере – православию. Любое отступление от православия, от Истины, непременно влечет за собой отдаление и отчуждение от духовности, от святой христианской жизни и нравственности.

Лучшим примером этого является христианский Запад. Его отступление, в частности, и от истинной веры в Духа Святого (ересь *Filioque*), собственно и стало причиной упадка духовности на Западе и изменений в западной Церкви.

«Вера без дел мертва», говорит Апостол (Иак. 2, 26), но и «дела мертвы без веры», свидетельствуют многие Святые и Святые Отцы. Эти два понятия, т. е. правильные догматы веры и правая жизнь, в православном опыте и переживании нераздельны. Будучи нераздельно соединены, они всегда на себе носят печать и благодать Духа Святого Утешителя – Учителя и Вдохновителя – Церкви. Святость и совершенство Святых, иными словами, то, что является целью всего Божественного домостроительства и спасения и последней целью всей православной веры и жизни, приобретает правую верой и правой жизнью, по благодати Духа Святого. «Ибо вся похвала и блаженство Святых», пишет Преп. Симеон Новый Богослов, «состоит из двух: из православной веры, и похвальной (доброй) жизни, и благодатных даров Духа Святого. Так как там, где есть первые два, присовокупляется и третье. Ибо когда кто-то живет правильно и богоугодно, с верованием православным, и когда бывает облагодатствован Богом и прославлен даром Духа, тогда его хвалит и ублажает вся Церковь верующих и все учителя ее» (Огласительное слово 10).

Таким образом, очевидно, что правая вера, т. е. православие, есть основание и содержание новой жизни во Христе и новой благодатной нравственности Церкви и каждого человека, который в Церкви перерождается в «новую тварь» во Христе. Стать новой тварью во Христе, – в чем и состоит цель и содержание православной нравственности, – согласно Апостолу Павлу и Отцам означает, что «древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5, 17). Прошли, прежде всего, древние и новые заблуждения о Боге, ложные веры и ложные служения Богу, и нам была открыта и дана Истина о живом и истинном Боге, подлинное и истинное богопознание – теогносия и теология – подлинное и истинное служение Богу «в Духе и Истине» (Ин. 4, 24). Или, как характерно говорит Св. Кирилл Александрийский, нам открыты были «догматы истинного богопочитания» (PG 74, 537). В продолжение вышеприведенной мысли Святой Апостол подчеркивает, что во Христе ценна только новая тварь, и добавляет: «тем, которые поступают по сему правилу („канону“), мир им и милость» (Гал. 6, 15–16). Это же «правило», или «канон» новой твари, нового создания во Христе, которому должны следовать, и по которому должны жить христиане, есть, согласно Св. Иринею, – «канон веры», «неизменный канон Истины», который христиане принимают в святом крещении, исповедуя при этом Символ веры (ср. «Против ересей», I, 9, 4; III, 15, 1).

Излагая при встрече с англиканцами в 1925 году православное, с Преданием Церкви согласующееся толкование приведенного места из Послания к Галатам, блаженнопочивший профессор Нового Завета Николай Глубоковский отметил, что правильные, православные догматы и есть те самые «каноны» новой твари во Христе, которым мы должны следовать, ибо они «выражают природу нашего христианского братства»; они суть «нормы нашего христианского бытия, определяемого точными законами, которые служат для него всегдашними основами нормальной жизни», и «обязательные стихи христианской жизни». Догматами подтверждается новая реальность Христианства; они суть основание и защита христианского единства в Церкви.

По Апостолу Павлу, Церковь есть «столп и утверждение Истины» (1 Тим. 3, 15). Эту богооткровенную истину Апостола Павла Св. Иоанн Златоуст смело выражает и в обратном смысле: «Истина есть столп и утверждение Церкви» (PG 62, 554). Следуя тому же самому благодатному Преданию, Преп. Максим Исповедник в таком же смысле определяет Церковь: «Господь назвал Кафолическою Церковью правое и спасительное исповедание веры» (PG 90, 93). Подобно им Церковь определяет и Преп. Исидор Пелусиот: «Церковь есть собрание (*ἄθροισμα*) святых, соединенных

правою верою и совершенным житием» (PG 78, 685). Из всех этих высказываний становится ясным и очевидным, что для православного Предания, и вообще для православного церковного опыта и чувства, вера и жизнь, догма и нравственность не только неотделимы от Православной Церкви, но и отождествимы с ней, именно потому, что она есть Тело Христово и что ею руководит, ее вдохновляет и животворит Жизнедательный Дух Святой.

Для Святых Апостолов и Отцов Церкви Истина и Жизнь суть Христос; вера и спасение есть опять Христос, но всегда в Церкви, в Своем богочеловеческом теле. Так и Церковь Христом и через Христа становится и есть истина и жизнь, так как в ней всегда присутствует Христос и благодать Духа Святого. Не будь Церковь воплощенным присутствием – именно это обозначает ее название тело – Истины и Жизни Бога в этом мире, она была бы не Телом Христовым и Церковью Бога живого, а неким безжизненным и мертвым «собранием», «церковью лукавствующих», по словам Псалмопевца (Пс. 25, 5). Поэтому Церковь, как Невеста Христова, как «Дева чистая», не имеет пятна или порока (2 Кор. 11, 2; Еф. 5, 23–27), она, по словам одного древнего церковного писателя, девственна и чиста именно «ввиду правильности догматов и нравственностей» (Ориген, фрагм. 45 на Евангелие от Иоанна).

Итак, в Православии и вера и жизнь, и догма и нравственность носят на себе и в себе отпечаток и характер христологический, а это значит одновременно и триадологический, и пневматологический, а тем самым и экклезиологический, и сотериологический, как мы увидим позже.

Триадологический характер в православном благочестии и нравственной жизни отмечают все Отцы Православной Церкви, так как он имеет своим источником таинство Святого Крещения, совершаемого во имя Святой Троицы: «От Отца через Сына в Духе Святом». Слова молитв, читаемых при крещении: «О еже просветитися нам просвещением разума и благочестия, наитием Святаго Духа» и «О еже приити на воду сию очистительному Пресущественныя Троицы действу («энергии»)), обозначают, что новая христианская жизнь в нас начинается и, конечно, продолжается как дело и действие Святой Троицы, «Которой мы крещены, Которой и живем, и познаем, и понимаем; под покровом Которой находимся и будем находиться во веки веков, ибо от Нее мы получили и бытие и благобытие» (τὸ εὖ εἶναι) (Преп. Симеон Новый Богослов, Богословское слово 1).

Троичная благодать, которую «таинственно (μυστικῶς) получил каждый, кто крестился православно», говорит Преп. Марк Подвижник, действует в этом человеке «по мере его делания заповедей Божиих» (Филокалия, I, 113 и 115). Это же делание и исполнение заповедей, или «соблюдение заповедей Божиих» (1 Кор. 7, 19), тоже имеет триадологический характер. Ибо, согласно учению и благодатному опыту Преп. Максима Исповедника, «Божественный Логос Бога Отца таинственно («мистикῶς») присутствует в каждой из Своих заповедей, а Бог Отец естественным и неделимым образом весь присутствует во всецелом Своем Логосе. Поэтому воспринимающий божественную заповедь и исполняющий ее воспринимает находящегося в ней Логоса Божия. А воспринявший через заповеди Логоса, через Него и в Нем естественным образом совоспринял и Духа Святого. Ибо сказано: Истинно, истинно говорю вам: принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимающий Меня, принимает Пославшего Меня (Ин. 13, 20). Поэтому воспринявший заповедь и исполнивший ее воспринял и таинственно («мистикос») имеет в себе Святую Троицу» (PG 90, 1156–7). Это учение Преп. Максима вполне согласуется с Евангельским преданием Апостола Иоанна: Кто деятельно и истинно соблюдает слово и заповедь Христову, говорит Св. Апостол, тот пребывает в Боге, и Троичный Бог – Отец, Сын и Дух – придет к нему и обитель у него сотворит (Ин. 14,

23). Это учение Преп. Максима в равной мере совпадает и с Экклезиологией Апостола Павла. Каждый христианин и вся Церковь, согласно этому Апостолу, становится кафолическим (всецелым) обиталищем, и домом, и храмом Божиим, «храмом богоносным» и «христоносным», «храмом Духа Святого», т. е. храмом, в котором обитает Христос, и Отец Его, и Утешитель, как об этом характерным образом говорят нам Святители Игнатий Богоносец и Иоанн Златоуст, повторяя слова Апостола Павла. Итак, жизнь и нравственность наша, и конец их – обожение, состоят в вере, и благодати, и общении (*κοινωνία*) Святой Троицы. «Освящение и обожение ангелов и людей есть познание Святой Троицы», говорит Преп. авва Фалассий, ученик Преп. Максима (Филокалия, II, 210).

Но особенно характерными для православного благочестия и нравственной жизни являются его христологичность и христоцентричность. Для Святых Отцов вера и есть не что иное, как сам Христос. Так, Св. Игнатий Богоносец пишет: «Совершенная вера есть Иисус Христос» (Посл. Смирн. 10, 2). А также Преп. Максим Исповедник: «О Христе говорим, что Он есть ипостасная вера» (PG 90, 332). В другом месте он пишет: «Ипостасная вера активна, деятельна, через нее Бог Логос проявляется в делателях, будучи воплощаем через заповеди, через которые Он, Логос, возводит этих делателей к Отцу, в Котором Он есть по естеству» (PG 90, 336). Эти аскетико-мистические слова Преп. Максима, которыми он описывает христологическое содержание православного деятельного подвижничества, в котором Христос поистине являет Себя как ипостасная вера, вера осуществленная и воплощенная, эти слова должны быть поняты в контексте христологического догмата в том его виде, в каком формулировал его IV Вселенский Халкидонский Собор, т. е. в контексте богочеловеческой реальности веры и жизни Православной Церкви.

Таким образом, Христос есть ипостасная и живая богочеловеческая вера, как интегральное – кафолическое – богооткровение истины и жизни, которая в себе содержит и добродетель, т. е. нравственность. И действительно, согласно Святым Отцам, Христос есть «начало и основание всех добродетелей», как говорит Преп. Григорий Синаит; или, по словам Преп. Максима Исповедника, Христос есть «ипостась всякой благодати и добродетели». Согласно же на опыте основанному свидетельству Преп. Симеона Нового Богослова, Христос во всяком верующем в Него становится «силою рассуждения, мощью разума, крепостью премудрости, державою правды, и основой любви к Богу и людям; Он становится энергией всякой святой заповеди и воли Божией, и разумным и естественным отвращением от всякого зла и греха, и страсти и злобы. Ибо Христос есть надежда наша и мир, и без Христа не только никто не может сделать какое-либо добро, но и всякий бывает отчужден и отдален от Бога.» (Слово 13).

Христианская духовная жизнь и нравственность в Православной Церкви являются не какими-то «*imitatio Christi*», неким внешним или психологическо-пиетистическим «подражанием», а жизнью во Христе (ср. Ап. Павел, Н. Кавасила, Иоанн Кронштадтский), христожизнью («*χριστοβίωμα*») и христуподобием, богочеловеческим сожительством и симбиозом, подобно лозе и ветвям (Иоан. 15, 2–5). Православная духовно-нравственная жизнь есть всецелое облечение во Христа, начавшееся в святом крещении и продолжающееся до тех пор, пока Христос не станет для нас «все и во всем и вовне и внутри» (Кол. 3, 10–11 и Св. Златоуст). Затем, эта жизнь есть евхаристическое воплощение Христа в верных и вочленение верных во Христа, или – «вохристовление», как говорит отец Иустин Попович. Согласно же Симеону Новому Богослову, духовная жизнь Святых состоит в том, что они имеют «всецело приобретенного в себе всецелого Христа – на деле, в опыте, в чувстве, в познании и в видении» (Катехизическое слово 8). Совершенный христианин, по Преп. Анастасию Синайскому, является «истинным домом

Христовым, созданным из добрых дел и благочестивых (=правых, православных) догматов (PG 89, 329).

Все богочеловеческое домостроительство Спасителя Христа ради нас и нашего спасения – Его рождение, крещение, преображение, распятие, воскресение и т. п. – повторяется в Православной Церкви и жизни христиан, сколь литургически, в каждой святой Литургии, столь и подвижнически и на деле, в жизни каждого христианина. Из этих двух нераздельных сторон одной и той же реальности именно и состоит литургическо-подвижническая нравственность Православия, поскольку Христово домостроительство спасения мистериологически и благодатно повторяется и продолжается и в каждой святой Литургии, и в каждом святом христианине. Ибо Христос, как говорит Св. Николай Жичский, явился в мир не только для того, чтобы научить нас, что есть жизнь, или для того только, чтобы исправить нашу жизнь, но и для того, чтобы стать и быть нашей жизнью («Молитвы на озере»). «Бог послал в мир едиnorodного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрез Него», говорит Апостол и Евангелист Иоанн (1 Ин, 4, 9). Это «чрез Него» Апостола Иоанна тождественно выражению «в Нем», «во Христе» у Апостола Павла. И то и другое апостольское выражение указывают нам на одну и ту же реальность Христовой жизни в верных и жизни верных во Христе.

Иными словами, православная христианская духовно-моральная жизнь состоит в том, что Св. Апостол Павел выражает словами: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). Этот «перихорисис» (взаимопроникновение) богочеловеческой жизни Христовой в Апостоле Павле и каждом поистине верном христианине, где Христос для христиан становится «всем во всем» – и телесно и духовно (Св. Игнатий Богоносец) – представляет, собственно, спасительное следствие и продолжение для нас, христиан, спасительной тайны ипостасного соединения двух природ в Богочеловеке Христе.

Мистериологическое повторение и продолжение богочеловеческого домостроительства Христова в христианах начинается святым крещением. В крещении верующий рождается во Христе и Христос рождается в верующем. Потом верующий живет земною жизнью Христовой: сораспинается с Христом в Его смерть и умирает для греха и страстей (Преп. Исаак Сирий), но в то же время воскресает и оживает вместе с Христом в «иную жизнь» – жизнь вечную и божественную (Св. Григорий Богослов). Он постоянно питается телом и кровью Христовой в Святой Евхаристии, в которой соединяется с Христом и со своими братьями людьми, становясь «сотелесником», и «сокровником», и «соприсным» Христу, по смелым словам Святых Отцов. Таким образом он переживает и повторяет в себе всю богочеловеческую жизнь Христову.

Вот как об этом пишет Преп. Григорий Синайский: «Всякий, крестившийся во Христа, должен достичь того, чтобы пройти все возрасты во Христе (*τὰς ἐν Χριστῷ μεθελικιώσεις*). Так как он заранее получил их силу и через заповеди может обрести их и научиться им» (Филокалия, IV, 63). Подобным образом говорит и Преп. Максим Исповедник: «Логос Божий, однажды родившись по плоти, всегда вследствие человеколюбия по своей воле рождается по Духу в тех, кто этого желает; и становится младенцем, формируя Себя в них посредством добродетелей; и бывает видимым/обнаруживается настолько, насколько принимающий Его может вместить» (PG 90, 1181). Слова этих двух Святых ясно показывают, в чем заключается и какова реальность православной духовной жизни и нравственности: Христос рождается и формирует Себя (*μορφοῦται*, ср. Гал. 4,19) в каждом члене Своего Тела – Церкви и в целой Церкви соборно, так что все верные становятся христами, и в то же время – все бывают «одно во Христе» (Гал.3,28), живя Его богочеловеческой жизнью во всей ее полноте. По словам Св. Мефодия Олимпийского: «в каждом Христос духовно

рождается, и поэтому Церковь в муках рождает, доколе не родится и изобразится в нас Христос (ср. Гал.4,19), чтобы каждый из святых христиан через причастие Христу родился христом..., так что каким-то образом все, через причастие Святого Духа крестившиеся во Христа, становятся христами» (Симпосион, VIII, 8). В этом пункте вновь ясно предстает все сотериологическое и антропологическое значение халкидонского догмата в жизни правоверующей (Православной) Кафолической Церкви и в жизни каждого человека – ее члена.

Приведенное нами понятие и наименование «христос», которое, как мы показали, относится не только к Христу, но и к верующим в Него людям, указывает нам одновременно и на пневматологический, т. е. святодуховский, святоблагодатный характер православной жизни и нравственности. Ибо верующие именуются «Христом» (помазанником), потому что помазуются (*χρίονται, χρίσμα*) Духом Святым, и Дух Святой есть Тот, Который дальше поддерживает и деятельно осуществляет Христову жизнь и нравственность в христианах. Согласно православному пониманию, жизнь и нравственность человека могут быть поистине христианскими только если они «духовны», если они являются «плодом Духа» (Гал. 5, 22), благодатным плодом Духа Утешителя, Который излился на Церковь в день Пятидесятницы и с тех пор беспрестанно животворит ее. «Духовная» жизнь или нравственность в Православии означает не некую «спиритуальную», «идеальную» (или интеллектуальную) жизнь вне тела и без тела, – так как это была бы, хотя и более возвышенная, чем телесная, однако всего лишь жизнь «душевная» («психическая», по Ап. Иакову,3,15), – а означает жизнь, преображенную и исполненную Духом Божиим, жизнь, животворимую и облагодатствуемую силою, действием и энергиями Духа Святого (о чем подробно говорит Ап. Павел в 8-ой главе Послания к Римлянам). В противоположность римско-католическому пренебрежению Духом Святым и Его благодатным действием в Телесном Христовом – Церкви, как в ее Святой Литургии (эпиклеза, т. е. всегдашнее призывание благодати и действие Духа), так и в жизни и подвигах ее верующих членов (богатство харизм или даров Духа), – ересь *Filioque* как раз является и причиной и следствием этого пренебрежения в Западном Христианстве Личностью и нетварной энергией (несотворенной благодатью) Духа Святого, – итак, в противоположность этому, в Православии Дух Святой понимается и воспринимается как творец, и руководитель, и оживитель, и обожитель всего церковного бытия и жизни. Ибо, по словам Св. Григория Паламы, Дух Святой есть «сотворец Отцу и Сыну всех тварей, и сообновитель тех, которые пали» (PG151,317). В этой богословской истине и пережитом факте святодуховского опыта мы находим все Православное Предание, со Святых Ириней и Василия до Преподобных Симеона Нового Богослова и Серафима Саровского. Поскольку ограниченность объема данной статьи не позволяет более подробно остановиться на этом святоотеческом пневматологическом понимании и опыте православной жизни и нравственности, приведем только один характерный отрывок из пневматологического предания Святых Отцов. Это часть 3-его богословского слова Преп. Симеона Нового Богослова:

«Душе Святый, несказанно от Отца исходящий и через Сына к нам верным приходящий; Душе жизни и разума, Душе святости и совершенства, Душе благий, мудрый, человеколюбивый, приятный, славный; Душе, питающий и в то же время напаяющий, милующий, просвещающий, укрепляющий; Божественный Душе терпения, Душе, подателю радости, веселия духовного, целомудрия, мудрости, ведения, кротости, незлопамятства, непопечения о здешнем, созерцания тамошнего; Душе, отгоняющий уныние, рассеивающий нерадение, прогоняющий суетное любопытство и лукавство; Душе, объявляющий тайны, являющиеся залогом Царствия Небесного, источнике пророчества и учительства, истребителю

греха, врата покаяния, Душе, указывающий наподобие привратника входную дверь подвижникам; Душе любви, мира, веры, воздержания, Душе вожденной любви, эту же любовь и подающий, Ты, Душе Святой, прииди и вселися в нас и пребудь с нами неразлучно, нераздельно, освящая, и преображая, и просветляя сердца наши, как единосущный и равночестный Сыну и Отцу, и как Тот, который обожает приемлющих Его, уничтожая всякий грех и принося с нисшествием Твоим всякую добродетель» (Богословское слово 3).

Этот столь характерный для Православия пневматологический текст Преп. Симеона показывает, каким значительным и богатым является божественное дело Духа Святого в Церкви Христовой, в вере, жизни и нравственности ее членов. Из этого текста видно, что весь православный духовно-нравственный подвиг жизни и спасения, – понятый одновременно и как аскеза и подвиг борьбы против греха и страсти, и как подвиг стяжания святых добродетелей, стяжания освящения и обожения, – есть дело Духа Святого, благодать Которого получаем от Христа «через святые таинства и святые добродетели» (Препод. Иустин Попович). Согласно тому же Преп. Симеону, последняя «цель и назначение всего Христова домостроительства по плоти» есть именно «восприятие Духа Святого в души наши», т. е., иными словами – стяжание и приобретение Святого Духа, как говорил и Преп. Серафим Саровский. Это восприятие и приобретение Духа Святого обозначает наше духовное и телесное соединение с Богом во Христе силою и благодатью Духа Утешителя, так чтобы через это богообщение и соединение, согласно Преп. Симеону, стал «триипостасным по благодати и человек, единый по усыновлению бог, составленный из тела, и души, и принятого им Божественного Духа» (Катехизическое слово 15). В этих последних словах Преп. Симеона Нового Богослова ясно подчеркнут и обозначен христологический и пневматологический характер православной антропологии: благодать Богочеловека Христа, даваемая людям Святым Духом, является составной частью человека. (Это благодатное понимание человека лежит и в основе православного понимания первородного греха, который состоял именно в том, что человек потерял Духа Святого, что отделился от благодатной жизни и общения с Богом). Эта основополагающая истина православной антропологии встречается уже у Св. Иринея Лионского: «Там, где есть Дух Божий, там есть и живой человек» (Против ересей, V, 9, 1–3).

Таким образом, из всего сказанного видно, что православная христианская жизнь и нравственность имеют христологический и в то же время триадологический и пневматологический характер. Православный христианин христообразен и христоносен («христонравственен», «христоэтичен»), и тем самым духовен – «пневматикос антропос», согласно Апостолу Павлу. Его жизнь и «итос» суть истинный католический этос Бога и человека, или, по словам Св. Игнатия Богоносца, это – *ὁμοῦθεια Θεοῦ* (= единоэтичность с Богом, этос Божий - Посл. к Магн. 6, 2), т. е. это этос Богочеловека Христа. Этот этос лучше всего проявляется в нашей христианской богочеловеческой любви, любви к Богу и людям, любви христообразной – одновременно боголюбивой и человеколюбивой.

III

У всего, сказанного нами о православной христианской жизни и нравственности Православной Церкви и ее Святых, которые в себе носят и хранят в неповрежденном виде истинную жизнь и этос Христов, у всего этого есть одна общая точка, общее место и время, в котором оно воплощается и проявляется реальным и существенным образом. Это место – «хорос» и время – «хронос» есть церковь, православный храм и православное богослужение в нем, а прежде всего и в центре всего – Евхаристический синаксис, т. е. Святая Литургия. Ибо Святая

Литургия и есть само бытие и истина Православной Церкви, ее жизнь и ее главное дело, ее истинный кафолический (соборный) этос. Божественная Литургия как евхаристическое собрание и акт Бога и Его народа, совершающаяся в православном храме как «благословенное Царство» Святой Троицы, через иерургию (священнодействие) Великого Архиерея Христа и через призывание (эпиклезу) и нисхождение Святого Духа, являет собой и объявляет в пространстве и времени «Тайну Бога в теле/плоти», т. е. тайну Богочеловека Христа и Его тела – Церкви. Эта тайна собирает («эклисиази») и соединяет Бога – Святую Троицу – и людей, чад Божиих, воедино. В ней Христос, «Первородный между многими братьями» (Рим.8,29), соединяется с верующими, которые являются Его братьями и «сопричастниками», членами Его богочеловеческого тела. Таким образом, в общем евхаристическом синаксисе (собрании), единодушно (*ὁμοθυμαδόν*) и на одном и том же месте (*ἐπὶ τὸ αὐτό*) (ср. Деян. 2,44.46; 15,26), в Святой Литургии как синаксисе и собрании Богочеловека Христа и Его тела – Церкви, Бог соединяется со Своим Народом: «род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в удел, дабы возвещать совершенства/добродетели (т. е. этос) Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1Пет.2,9). Святая Евхаристия, Святая Литургия открывает и одновременно составляет кафолический этос Православия.

В Святой Литургии каждый человек находит свое подлинное, истинное и реальное отношение и общение с Богом, с другими людьми, своими братьями и «сотелесниками» во Христе, а также свое правильное отношение к миру как творению Божию. Ибо Святая Литургия есть соединение и преображение во Христе людей и мира и совокупной твари, так как эту тварь Церковь в Святой Евхаристии собирает, объединяет, освящает и приносит («просфери», «анафери») всю совокупно Богу–Творцу и Спасителю мира и Отцу людей. В Святой Литургии, через Евхаристическое приношение, Церковь исцеляет и восстанавливает, соединяет и преображает людей и всю тварь таким образом возвращая отчужденного человека самому себе, Богу и другим людям, так что общение Церкви, как единство Христа и людей, соединенных друг с другом, предстает как самое совершенное общество, богочеловеческое общество. (Поэтому Святая Литургия является единственной подлинной социальной «программой» Православия).

Своей литургической практикой Церковь формирует людей, придавая им образ Христов, Его божественный и человеческий облик, давая им Его богочеловеческую жизнь и этос, и таким образом, через возобновление лика человеческого «по образу (иконе) Создавшего его» (Кол. 3, 10) возобновляется и лик земли и мира, так как вся тварь ожидает явление/откровение «свободы славы детей Божиих» (Рим. 8, 19–21). На самом деле, только возобновляясь по образу и подобию Божию, человек в этом лике и облике Бога Живого в себе самом и в других, находит свой подлинный – православный – этос и характер, свою полноту, как это показали нам Святые Божии (Преп. Максим Исповедник и другие).

Христос, Который есть «Образ Бога невидимого» (Кол. 1, 15), объявил нам, людям, лик, и характер, и этос Бога, но одновременно Он объявил в Себе лик, и облик, и подлинный этос человека. И то и другое Он как Богочеловек продолжает объявлять в истории и мире, в Церкви Своей и через Церковь Свою, осуществляющую это всей своей жизнью и деятельностью, в особенности своим богослужением и своей Божественной Евхаристией. В святом богослужении Православной Церкви, и прежде всего в Святой Литургии, собирается, объединяется и возглавляется и личный, персональный подвижнический этос верующего христианина, человека, и общий, «общественный» (литургический) этос всех людей, христиан, проявляясь как единый кафолический (соборный) литургическо-церковный этос, т. е. как лично-соборная жизнь и нравственность Христова, отражающаяся и проявляющаяся в каждом верующем и во всех вместе как одном теле – Церкви.

